

© 2016 г.

В.В. СОГРИН

АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ФЕНОМЕН

Являются ли Соединенные Штаты Америки империей? Разногласия по этому вопросу в существенной мере проистекают из различий в трактовке понятия “империя”. Приведем два распространенных современных определения. Первое увязывает понятие “империя” с владением колониями или близкой с ним формой управления. Российский обществовед Е.Г. Ясин пишет: “Империя – это государство, в котором один народ (государствообразующий) устанавливает господство или доминирование над другим или другими народами, обычно с присоединением территории их расселения, и удерживает их под своей властью силой или угрозой [применения] силы”¹. США под такое определение не подходят. Другое определение заключается в увязывании империи с антидемократической государственной формой и настаивает на несовместимости империи с политической демократией. Его придерживается большинство американских специалистов. “Отождествлять Соединенные Штаты с имперской властью, – высказывает мнение большинства А. Перлмуттер, – ошибочно. Америка утверждала свое влияние посредством современных инновационных идей, технологических достижений, развития рынков, создания и распространения общества потребления, нежели посредством господства над народами... Империализм, очевидно, являлся фундаментальной принадлежностью коммунистической и нацистской политических систем”². Известный американский историк и этнолог Р. Суни пишет: “Право на власть в империи исходит от господствующего института, а не от согласия управляемых”³. Следуя данному определению, США нельзя назвать империей, поскольку в них власть делегируется волеизъявлением большинства, и если оно не одобряет внутренней или внешней политики государственных институтов, то меняет или обновляет власть. Если следовать пониманию империи, разделяемому Р. Суни и многими современными исследователями, то надлежит заключить, что демократия и империя несовместимы по определению. Американский леворадикальный политолог М. Паренти в связи с этим посетовал: «Студенты факультетов политических наук большинства университетов этой страны не получают возможность проводить исследования проблем американского империализма по причине того, что сам “империализм” не является предметом академического образования... В самих США людей, рассуждающих об американском империализме, считают напыщенными идеологическими болтунами»⁴.

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала “Новая и новейшая история”.

¹ Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи. – После империи. М., 2007, с. 7.

² *Perlmutter A. Making the World Safe for Democracy: A Century of Wilsonianism and It's Totalitarian Challengers. Chapel Hill (NC.), 1997, p. X–XI.*

³ Суни Р. Империя как она есть: имперский период в истории России. – Этнонациональная идентичность и теория империи. М., 2007, с. 39–40.

⁴ *Паренти М. Власть над миром. Истинные цели американского империализма. М., 2006, с. 13.*

Я придерживаюсь того мнения, что империи исторически изменчивы и что, следовательно, понятие “империя” не может быть неизменным, раз навсегда данным. Считая Соединенные Штаты империей, автор видит ее серьезные отличия от предшествующих вариантов империй. Принципиальное своеобразие американской империи заключено в том, что Соединенные Штаты с момента возникновения основывались во внутриполитическом устройстве на либерализме и демократии. Американский имперский мессианизм во все времена был освящен идеалами демократии, а американская империя являлась и является либерально-демократической или просто демократической. Т.е. ее опыт свидетельствует, что империя и демократия совместимы. На современном этапе демократические Соединенные Штаты добились фактически статуса единственной мировой империи. Не владея в отличие от классических империй колониями, не будучи авторитарным, а тем более тоталитарным государством, они утвердили над огромной частью мирового пространства такое экономическое, политическое, военное, культурное господство или влияние, с которыми не может сравниться мировой вес ни одной из предшествующих колониальных недемократических империй.

Могут возразить: американская демократическая империя не уникальна, у нее была предшественница в виде британской империи. Но Великобритания стала демократией в полном смысле только после Первой мировой войны в связи с введением в стране всеобщего избирательного права. До того она была “усеченной” демократией, т.е. Великобритания на протяжении большей части истории не может быть поименована демократией. А самое главное, британская империя вплоть до своего конца была колониальной, что соответствовало классическому имперскому образцу и принципиально отличало ее от американской не колониальной демократической империи.

Главное своеобразие американской империи состоит в том, что она утверждает власть над миром посредством внедрения и расширения до максимума своего экономического, политического и культурно-цивилизационного господства и влияния, без территориальных приобретений, которые становятся просто-напросто излишними, с подчеркиванием своего антиколониализма и права на самоопределение и суверенитет народов, которые фактически включены в сферу имперского влияния или господства Соединенных Штатов, т.е. с помощью методов, которые современной политологией определяются как *мягкая сила*. Имперское доминирование неизменно оправдывается демократическим мессианизмом – тем, что США утверждают в мире классическую, т.е. собственного образца демократию, являющуюся основанием и залогом подлинного процветания и счастья любого народа. Силловые средства используются, но чаще цель достигается при помощи “мягкой силы”, стимулирующей страны и народы к добровольному восприятию и усвоению американских экономических, политических, социокультурных образцов.

В Америке далеко не сразу возникло отрицание идеи империи. Американские отцы-основатели мечтали, что Америка станет империей, но особенной, радикально отличной от европейских монархий и деспотий. Главный демократический отец-основатель Т. Джефферсон, рассуждая в духе принципов Просвещения, самой передовой идеологии для той эпохи, мечтал о создании и распространении его родиной империи разума – особого, неизвестного истории универсума, обустроенного в соответствии с принципами Вольтера, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. Во времена отцов-основателей мессианская идея не могла получить практической реализации, поскольку США оставались слабым государством. Уверовав уже достаточно прочно в исключительность своей страны и ее избранность для высокой мировой миссии, американцы, их духовные и политические лидеры делали упор на то, что Америка являет собою образец для подражания, подает всем другим пример идеального общественно-политического устройства.

Идея американской демократической империи так или иначе сохраняла влияние в стране до XX в., но в связи с противостоянием авторитарным империям в годы Первой мировой войны, а особенно Третьему рейху во время Второй мировой войны на понятие “империя” применительно к самим Соединенным Штатам было наложено табу. Одними из первых, кто отважился вновь поименовать США империей, но теперь уже

вкладывая в понятие негативный смысл, были американские историки-ревизионисты, отреагировавшие на откровенно имперскую войну США во Вьетнаме и проявившие творческую активность в русле “новой левой” историографии 1960–1970-х годов. В эти два десятилетия демократического подъема в США они заняли профессорские должности в престижных университетах, издавали не только фундаментальные монографии, но и учебники⁵, которые свободно изучались поколениями студентов. Среди ревизионистов были те, кто считал американскую внешнюю политику имперской изначально, приводя в качестве аргументов экспроприацию территорий у индейских племен, присоединение к США Луизианы и Флориды (которые принадлежали до того Франции и Испании), отнятие у Мексики в 1846–1848 гг. Техаса, Нью-Мексико и Калифорнии. Они также считали, что американскому империализму были присущи классические формы, включающие территориальные завоевания, к которым наряду с названными добавляют отвоевание у Испании на рубеже XIX–XX вв. Пуэрто-Рико и Филиппин, а также аннексию королевства Гавайи. Но большинство ревизионистов сделали акцент на нетрадиционном характере американской империи, означавший фактически утверждение экономического, политического и культурного преобладания в той или иной стране или группе стран без территориального завоевания и без непосредственного политического управления.

С 1980-х годов историки-ревизионисты утратили влияние, были оттеснены в академической общине, которая, вслед за политическим классом и господствующими СМИ восприняла отрицательное отношение к понятию “империя”. Оно с подачи Р. Рейгана стало применяться к главному противнику – СССР, нареченному не просто империей, а “империей зла”.

Этот идеологический императив сохранял значение до последнего десятилетия XX в. Но после краха СССР и окончания “холодной войны” ситуация изменилась. Утвердившиеся на рубеже XX–XXI вв. на господствующей идеологической и политической позиции в США неоконсерваторы нового поколения (первое поколение действовало в 70–80-е годы XX в.) объявили, что Соединенные Штаты являются не только *единственной сверхдержавой*, но и *империей*, и этим статусом они должны гордиться. Главный аргумент: американский имперский универсум – *Rex Americana*, в отличие от всех прежних империй, основывается на ценностях демократии⁶. Итак, американский имперский феномен вернулся в обновленном виде на круги своя: современный американский политический класс движим идеей утверждения мировой демократической империи, скроенной по американским лекалам и под управлением США.

В ряде отношений я близок к историкам-ревизионистам в трактовке и оценке американской империи. Но моя точка зрения кое в чем серьезно отличается от точки зрения историков-ревизионистов. Одно из главных заключается в более широкой трактовке источников американского имперского сознания и имперской практики (историки-ревизионисты были настолько увлечены раскрытием экономических мотивов американского экспансионизма, что оказались близки к позиции экономического детерминизма). Среди источников американской империи одним из главных и влиятельных необходимо признать особый органический мессианизм американцев. Его архетип возник намного раньше появления экономического фактора имперской экспансии,

⁵ *Levin N.G.* Woodrow Wilson and World Politics: American Response to War and Revolution. New York, 1968; *LaFeber W.* The American Age. United States Foreign Policy at Home and Abroad. 1750 to the Present. New York – London, 1994.

⁶ См. об этом: *Bacevich A.* American Empire. Cambridge (Mass.), 2002, p. 2–5; *Abbot P.* Political Thought in America. Long Grove (Ill.), 2005, p. 335–336; *The Paradox of a Global USA.* Stanford (California), 2007, p. 25; *Pearson M.L.* Perils of Empire. The Roman Empire and the American Republic. New York, 2008, p. 3; *Баталов Э.А.* Америка: страсти по империи. – Свободная мысль – XXI, 2003, № 12, с. 9–28; *его же.* Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005, с. 320–348; *Рахимир П.Ю.* Американские консерваторы и имперская идея. Пермь, 2007.

каковым для историков-ревизионистов являлась экономическая мощь американского корпоративного капитала, сложившегося на рубеже XIX–XX вв.⁷ В качестве архетипа имперского мессианизма выступило убеждение переселенческих протестантских общин о своей избранности и миссии для обустройства идеального христианского *Града на холме*. В следующем столетии восприятие Америки в качестве земли обетованной дополняется представлением о ней как о “новой империи”, отличающейся от прежних образцов своим уникальным демократизмом. Известный американский историк Г. Вуд приводит поразительное свидетельство того, что его соотечественники, не только лидеры, но и масса обычных граждан конца XVIII в. считали юные США самой просвещенной и “исключительной” страной мирового сообщества⁸. Это самоуверенное убеждение было воспринято отцами-основателями, включая Дж. Вашингтона. Но в тот период мессианская идея, это бродило формирующегося национального сознания, не могла получить практической реализации. Уверовав уже достаточно прочно в исключительность своей страны и ее избранность для высокой мировой миссии, американцы, их духовные и политические лидеры делали упор на то, что *Америка являет собою образец для подражания, подает всем другим пример идеального общественно-политического устройства*.

Ситуация меняется в следующем столетии. Президенты-демократы Т. Джефферсон и Э. Джексон обосновывали необходимость широкой экспансии на североамериканском континенте, при этом особо подчеркивали, что такая экспансия оправдана необходимостью распространения американского демократического эксперимента и способствует укреплению демократии среди населения самих штатов, поскольку тысячи и тысячи неимущих американцев превращаются благодаря территориальной экспансии в фермеров – главную опору демократической республики. Иначе говоря, территориальная экспансия рассматривалась как основа упрочения и развития демократии. *Так сплавились идеи демократии и экспансии, заключавшей в себе имперский ген*. В 1823 г. в послании президента США Дж. Монро национальному Конгрессу уже весь американский континент (т.е. включая и Южную Америку) определялся как избранный для воплощения принципов свободы и демократии, а Соединенные Штаты наделялись миссией гаранта этих принципов. В 1845 г. во время войны с Мексикой, завершившейся присоединением к США Техаса, Калифорнии и Новой Мексики, была сформулирована одна из самых известных доктрин имперского мессианизма – *предопределение судьбы* (Manifest Destiny). Высказанная одним из духовных лидеров Демократической партии Дж. О’Салливаном и подхваченная политической и идеологической элитой нации, она объявляла излишними традиционно правовые дискуссии об экспансионистских устремлениях США на американском континенте: “Эти претензии основываются на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас Великой Миссии: установить свободу и федеративное самоуправление”⁹. Экспансия, носившая уже откровенно имперский характер, обосновывалась и оправдывалась приверженностью США демократии.

В XIX в. идеи национальной избранности и предназначенности Америки к миссии маяка и форпоста демократического будущего человечества становятся неотъемлемой частью не только мировоззрения элиты, но и национальной ментальности, входят в результате в плоть и кровь цивилизации США. Как отмечал Г. Мелвилл, один из выдающихся писателей того века, человек демократических убеждений: “Мы, американцы, особый, избранный народ – Израиль нашего времени; мы несем ковчег общемировых свобод. Бог предназначил наш народ для великих дел, и человечество

⁷ Президент США Б. Обама отмечал: “У нас в ДНК... отпечатано стремление к расширению – географическому, экономическому и идеологическому”. См. *Обама Б.* Дерзость надежды. СПб., 2008, с. 313.

⁸ *Wood G.* The Idea of America. Norwalk (Conn.). 2011, p. 273–290.

⁹ Цит. по: *Weinberg A.K.* Manifest Destiny. Baltimore, 1935, p. 145.

ждет их от нас; великие дела живут в наших душах. Остальные народы вскоре окажутся позади нас. Мы – первопроходцы человечества, авангард, отправленный, чтобы пройти через пустыню, куда не ступала нога человека, и проложить путь в новый мир, в наш мир”¹⁰.

В XIX в. территориальная и экономическая экспансия Соединенных Штатов ограничивалась американским континентом, по этой причине американские историки-ревизионисты поименовали свою страну той эпохи *континентальной империей*. Но в политическом классе стали появляться руководители, которые обосновывали необходимость и обусловленность американской экспансии за пределы Америки. Первым был Уильям Г. Сьюард, государственный секретарь 1860-х годов в правительствах А. Линкольна, Э. Джексона и У. Гранта. Во внутривластном измерении он, как и Линкольн, был либеральным демократом. Но во внешнеполитическом измерении, в отличие от всех трех президентов, которым служил и которые были поглощены конфликтом Севера и Юга, он оказался имперским экспансионистом. Сьюард не стеснялся слова “империя”, призывал Америку идти по пути “Древнего Рима”¹¹. Америка, доказывал он, уже стала “великой континентальной державой”, отныне ей надлежало осваивать другие континенты, а главным должно было стать *азиатское направление*. Сьюард первым выдвинул целую стратегию освоения в этих целях тихоокеанских магистралей. США должны были проложить сеть железных дорог к Тихому океану, построить на его побережье порты, приобретать колонии, протектораты, создавать военно-морские базы в Карибском бассейне и в Тихом океане. Это послужило бы прочным фундаментом проникновения в Азию, в первую очередь в Китай.

В 1867 г. Сьюард, преодолевая сопротивление многих политиков США, добился покупки у России за 7,2 млн долл. Аляски, которую госсекретарь рассматривал как важнейшую опору утверждения контроля над Тихим океаном и проникновения в Азию. Сьюард был первым среди американских экспансионистов, нацелившимся на распространение американских экономических интересов и политического влияния в Тихоокеанском регионе и Азии и добившимся определенных в этом направлении практических результатов. Но он был бесспорным преемником Т. Джефферсона, Дж.К. Адамса, Дж. Монро, Дж. Полка в обосновании демократического характера экспансии и ее блага для всех народов: “На практике наше правительство неизменно гарантирует всем нациям признание американским народом свободного выбора для населения любого другого государства... Это, по сути, главный компонент внешнеполитического взаимодействия в нашей истории”¹².

Имперская идея пестовалась не только с помощью аргументов в пользу распространения демократии. В Америке XIX в. было достаточно политиков, не утруждавших себя демократической аргументацией и обосновывавших необходимость включения в США как минимум всей Северной Америки (т.е. включая Канаду и Мексику), не прибегая к особым идеологическим ухищрениям. Оппоненты стали называть их *ястребами* (понятие вошло в употребление с 1812 г.). Но доминирующим обоснованием территориальной экспансии стала именно демократическая аргументация. Эта идеологема – демократический имперский мессианизм – настолько прочно вошла в сознание как политической элиты, так и масс, что превратилась в материальный фактор американской внешней политики. Автор отнюдь не умаляет значения таких важных материальных факторов, как американская капиталистическая экономика, геополитика и национальные интересы, но он убежден, что обозначенный социокультурный фактор с XIX в. и до наших дней выступал в качестве непреходящего и мощного фактора становления и развития американской империи. Он всегда был сильной опорой экономических и

¹⁰ Цит. по: *Ливен А.* Анатомия американского национализма. – Pro et Contra, 2004, № 3, с. 149.

¹¹ *Seward W.H.* The Works of William H. Seward, v. 1–5. Boston. 1853–1883, v. 3, p. 499.

¹² Цит. по: *Tannenbaum F.* The American Tradition in Foreign Policy. Norman (Oklahoma), 1955, p. 62.

политических устремлений американской нации, облагораживал их экспансионистский характер, обеспечивал им массовую поддержку.

На рубеже XIX–XX вв. в результате побед над дряхлой Испанской империей США решительно вытеснили ее из Латинской Америки. Создав в короткий срок (1898–1903) из некоторых бывших владений Испании собственную колониальную империю, США в дальнейшем новых колоний не приобретали. В сравнении с имперскими приобретениями европейских стран американские выглядели скромно. У. Лафбер подвел такой краткий итог: “Между 1870 и 1900 гг. Великобритания добавила к своей империи 4,7 млн кв. миль, Франция – 3,5 млн, Германия – 1 млн кв. миль. Американцы добавили только 125 тыс. кв. миль”. Почему США удовлетворились этим? Ответ У. Лафбера, что “американцам нужны были не территории, а рынки”¹³, представляется близким к истине, но не исчерпывающим. Действительно, рынки являлись главной целью американской экспансии. Но отказ от дальнейшей борьбы за колониальные владения был также следствием реалистических расчетов занявшего в 1901 г. президентское кресло Т. Рузвельта, как и его окружения. США накопили достаточно сил для того, чтобы сокрушить Испанскую империю и отнять ее колонии. Но соперничать за передел мира с Великобританией, Францией и Германией им было не под силу. Кроме того, опыт колониального “обустройства” Филиппин показал, что поддержание колониального режима даже на небольшой территории требовало жертв, к которым американские избиратели оказались не готовы. Филиппинцы, получив после краха испанского колониализма не свободу, а нового хозяина, подняли против него восстание. США, подавив его с большим трудом в 1903 г., пришли к выводу, что цена колониальной империи для них чрезмерна, и стали пестовать империю нового типа. Но приобретенной колониальной империи Соединенные Штаты также не намерены были уступать, и она на ряд десятилетий стала для США плацдармом для распространения своего влияния в огромном регионе, который сегодня известен как Азиатско-Тихоокеанский.

На рубеже XIX–XX вв. в США велись острые дискуссии по поводу колониальных приобретений. Их противники, отождествлявшие империю с ее классическим колониальным вариантом, называли себя антиимпериалистами и были заметны на политической сцене. В 1898 г., когда правящая Республиканская партия США обнаружила твердое намерение покончить с испанской империей и за ее счет реализовать американский колониальный вариант империализма, русский посол в США докладывал в Петербург, что “добрая половина американцев не одобряет того пути, на который встало правительство”¹⁴. То была ошибочная оценка. Большинство американских избирателей, общественное мнение, практически все массовые газеты поддерживали правительство. Другое дело, что в 1898 г. наблюдалась поляризация общественного мнения, противники имперской политики консолидировались, во многих городах были созданы антиимпериалистические лиги. Но их голоса тонули в хоре сторонников имперского подхода, а общее число антиимпериалистов не превышало 1 млн. “Глас” большинства народа звучал не в их пользу.

Влияние антиимпериалистов преувеличивалось русским послом в значительной мере по той причине, что против приобретения колоний выступала бóльшая часть Демократической партии США. На поверку она была такой же экспансионистской, как и Республиканская партия, но ее мессианизм и экспансионизм означали оформление матрицы нового, неформального империализма, утверждающего гегемонию в мире без колониальных завоеваний и административно-правового господства в подконтрольных странах. Экспансионизм демократов не ослабевал, а укреплялся по той причине, что, конкурируя с республиканцами в борьбе за власть, партия не могла игнорировать мнение большинства избирателей, склонявшегося в пользу имперской политики в любом, даже в классическом колониальном варианте.

¹³ LaFeber W. Op. cit., p. 226.

¹⁴ Цит. по: История США. В четырех томах. М., 1983–1987, т. 2, с. 237.

С начала XX в. американская империя претерпевает качественные изменения, но ее сплав с демократией сохраняется. На рубеже веков к уже прочному социокультурному мессианизму американцев добавляются мощные материальные факторы. Главным среди них стала успешная корпоративно-капиталистическая экономика. Она вышла на первое место в мире в 1890-е годы, и с того десятилетия первостепенной заботой бизнеса, государства и в целом нации стало утверждение ее господства на мировых рынках. Знаменитые президенты США начала XX в., Т. Рузвельт (1901–1909) и В. Вильсон (1913–1921), оба, являясь лауреатами Нобелевской премии мира, были твердыми приверженцами и выразителями американского мессианизма. Оба верили, что Соединенным Штатам – цивилизации исключительной – предопределено распространять демократию в мире. Оба были убеждены, что американская промышленность и сельское хозяйство могут успешно развиваться, только активно расширяя присутствие на мировых рынках, что американский флаг должен или прокладывать дорогу коммерции, или следовать по ее пятам. Это был постулат неразделимости экономической и политической экспансии. Также обязательной являлась экспансия идеологическая и культурная. Только триада – экономика, политика, идеология – могла всесторонне и гармонично обеспечить американское мировое лидерство. Уже тогда оба президента включали в еще не оформившуюся идеологию *Rex Americana* весь мир, как Запад, так и Восток. В 1900 г. В. Вильсон, тогда еще профессор Принстонского университета, изъяснился определенно: “Мир превратился в единое целое; каждая его часть является соседом всех других. Никакая нация не может дольше отгораживаться от других... Теперь Соединенные Штаты должны участвовать во всем этом, стремясь к открытию и трансформации Востока... Востоку суждено стать открытым и измениться, хотим мы этого или нет; стандарты Запада должны быть привнесены в него; нации и народы, которые пребывали в спячке столетия... станут частью универсального мира коммерции и идей... Наш особый долг... регулировать этот процесс в интересах свободы”¹⁵.

Оба президента при этом выступали лидерами внутривнутриполитического Прогрессивного движения 1900–1914 гг., объединившего широкие народные слои. Но Прогрессивное движение, отстаивая разносторонние демократические внутривнутриполитические реформы, одновременно одобряло внешнеполитическую экспансию как нацеленную на распространение в мире образцовой американской общественной модели. В массовой ментальности присутствовал фактор укрепления благосостояния всей американской нации как следствия включения зарубежных стран в орбиту американского влияния¹⁶. Демократия и империя противоречиво, но и органично сочетались с национальной ментальностью.

В начале XX в. США были озабочены утверждением своего господства, в первую очередь в Латинской Америке. Для этого применялись разнообразные средства. Внешняя политика в отношении стран Латинской Америки была дифференцированной, гибкой, меняющей во времени тактику и формы. Это обуславливалось необходимостью улаживания разногласий с европейскими соперниками, как и учетом твердого независимого поведения некоторых из южных соседей. Силовой подход наиболее ярко воплотился в дополнении Т. Рузвельта к доктрине Монро. Рузвельт начал использовать “большую дубинку” в политике США в Латинской Америке после вступления в 1901 г. в должность президента. И неизменно обосновывал действия Америки идеологическими соображениями, в которых лейтмотивом были принципы доктрины Монро. Наконец, в декабре 1904 г. в послании Конгрессу США Рузвельт сформулировал их в виде развернутого дополнения (короллария) к доктрине Монро. В нем утверждалось, что европей-

¹⁵ Цит. по: *Bacevich A.* Op. cit., p. 1.

¹⁶ *Rosenberg E.S.* Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890–1945. New York, 1982, p. 7; *Progressivism and the New Democracy.* Amherst, 1999, p. 226–227, 240–241; *Ambrosius L.E.* Wilsonianism: Woodrow Wilson and his Legacy in American Foreign Relations. New York, 2002, p. 34–37; *Dawley A.* Changing the World. American Progressives in War and Revolution. Princeton and Oxford, 2003, p. 6–9.

ские державы при любых разногласиях и конфликтах с латиноамериканскими странами не имеют права прибегать к силовым методам. Функция “международной полицейской силы”, т.е. улаживания споров, прибегая к принуждению и силе, принадлежит США и только США. Говорилось, что Соединенные Штаты предпочитают дипломатические средства разрешения конфликтов, а к силе обращаются в крайних случаях. В целом же они берут на себя полную ответственность за развитие Латинской Америки по цивилизованному пути¹⁷. В королларии были положения, явно отсутствовавшие в оригинале доктрины Монро. Рузвельт провозглашал право США не только препятствовать нежелательным действиям европейских стран в Латинской Америке, но и правом наказывать сами латиноамериканские страны за “неправильные” (“нецивилизованные”) действия как во внутренней, так и во внешней политике.

Даже силовые средства Рузвельт оправдывал в терминах демократической риторики. Яркий пример – завоевание Соединенными Штатами права на строительство и управление Панамским каналом. За него шло острое соперничество. К началу века США смогли оспорить его у англичан и французов. Затем Конгресс США после жарких дебатов предпочел для строительства канала Колумбию Никарагуа. Колумбийская власть вступила в жёсткий торг с американцами по поводу цены предложенной ей сделки. Тогда Рузвельт, назвав колумбийских правителей “бандитами”, санкционировал переговоры с повстанцами из колумбийской провинции Панама, добивавшихся отделения и независимости. Повстанцам были обещаны свобода и демократия, далее были посланы корабли и морская пехота, пресекшие попытки Колумбии расправиться с сепаратистами. 4 ноября 1903 г. панамские бунтовщики провозгласили свою провинцию независимой республикой, а США незамедлительно признали ее. Независимому республиканскому правительству Панамы были вручены за право строительства Соединенными Штатами и владения каналом 10 млн долл. Для постройки канала американцам отдавалась полоса шириной не в 10 км, как предусматривалось в договоре с Колумбией, а уже в 16 км. США получали концессию на право владеть в течение 100 лет выделенной территорией и каналом (с выплатой ежегодной арендной платы в 250 тыс. долл.). Строительство канала было завершено через 10 лет. Его торжественное открытие состоялось в 1914 г. Канал многократно сократил торговый путь между атлантическим и тихоокеанским побережьем США и стал важнейшей опорой экономических связей Соединенных Штатов со всеми иными континентами. Рузвельт неоднократно называл панамскую операцию самым важным делом своей внешнеполитической деятельности и безусловным вкладом в распространение принципов демократии.

Материальные интересы американской корпоративной экономики обрамлялись в доктрину утверждения в “варварских” и “непредсказуемых” латиноамериканских странах цивилизованного рынка и демократического политического режима, соответствующего нормам правового государства. США при помощи разнообразных средств, включая вооруженную интервенцию, взяли под контроль таможенные и финансовые службы центральноамериканских стран, подчеркивая в риторике необходимость пресечения коррупции властных элит, а на практике обеспечивая наиболее благоприятные возможности для продвижения интересов американского бизнеса¹⁸.

В остальном мире США придерживались классической английской модели “баланса сил”, предлагая себя в качестве арбитра международных конфликтов и не упуская случая закрепиться при возможности на рынках, где тогда властвовали европейцы. США претендовали на роль арбитра и в главном европейском конфликте, генерировавшем Первую мировую войну. В конечном итоге они выступили на стороне стран Антанты, но при этом устами президента В. Вильсона предложили оригинальную, противоречившую имперским интересам Великобритании и Франции концепцию победы “без аннексий

¹⁷ A Compilation of Messages and Papers of the Presidents, v. 1–20. Washington, 1903–1921, v. 16, p. 7051–7054.

¹⁸ *Согрин В.В.* Рождение американской империи. 1898–1918. – Новая и новейшая история. 2013, № 3, с. 80–105.

и контрибуций”. Вильсон также предложил отказаться в будущем от классической концепции “баланса сил” и создать новый миропорядок под главенством коллективного арбитражного органа – Лиги Наций. Лидеры Англии и Франции, считавшие себя главными победителями в мировой войне, были возмущены “идеалистическими” планами американского президента и вознамерились разделить между собой колонии поверженных Германской и Османской империй. Это им удалось в полной мере. А американская политическая элита в лице сената США отвергла как утопию план Вильсона по управлению новым миропорядком при посредстве коллективного арбитражного органа – Лиги Наций.

Вильсон, представший в глазах большинства его американских современников в качестве безнадежного идеалиста, в действительности, как показала история, предложил модель американской либерально-демократической империи, ставшей основополагающей для политического класса США после Второй мировой войны и остающейся таковой поныне. Вильсон исходил из того, что экономическая мощь позволит США стать лидером Лиги Наций и главной державой мира. В июле 1916 г. он сформулировал нечто наподобие закономерности: “Тот, кто финансирует мир, должен... управлять им”¹⁹. Но, по убеждению законодателей из Республиканской партии, отвергших план Вильсона в сенате США, экономического могущества было недостаточно для мирового господства. По их мнению, Соединенные Штаты не обладали необходимой военной силой для того, чтобы главенствовать над Англией и Францией в Лиге Наций и действительно подчинять ее своей воле.

В исторической ретроспективе модель миропорядка, предложенная Вильсоном в 1918 г., предстает преждевременной, но отнюдь не утопической. Последующее развитие во все возрастающей мере закрепляло господствующую позицию в американской внешнеполитической стратегии за вильсоном, обращая так или иначе в его сторонников даже формальных оппонентов. Г. Киссинджер, один из наиболее видных представителей реалистической школы американских международных, признавал в конце XX в.: “В течение трех поколений критики Вильсона яростно нападали на его анализ и выводы, и всё равно в то же самое время вильсоновские принципы оставались прочнейшим фундаментом американского внешнеполитического мышления”²⁰. По заключению историка-реалиста Л. Амброзиуса, Вильсон “сформулировал доминирующую идеологию для Соединенных Штатов на период так называемого Американского века”²¹. Историк-ревизионист Н. Левин был с ними солидарен²².

В период между двумя мировыми войнами США во внешней политике следовали стратегии “изоляционизма”. Она формально, что соответствовало заповедям первого президента США Дж. Вашингтона, означала отказ от каких-либо обязывающих военно-политических союзов. Но США продолжали считать свою страну, как об этом неустанно заявлял наиболее известный республиканский президент того периода Г. Гувер, лучшей в мире, утверждали свои интересы посредством экономической мощи и искусной политической дипломатии. “Изоляционистские” Соединенные Штаты активно вмешивались в экономическое развитие Европы, добившись в нем фактически руководящей позиции. Они с помощью “жесткой”, но всё чаще “мягкой” силы поддерживали и укрепляли гегемонию в Латинской Америке. Велика была их роль в главной для мира европейской политике, но в то же время они предпочитали не вмешиваться непосредственно в “горячие” европейские “разборки”, полагая, что цена вмешательства будет чрезмерно высокой.

Радикальные перемены во внешнюю политику США были привнесены президентом-демократом Ф.Д. Рузвельтом. Рузвельт был приверженцем вильсоновского

¹⁹ The Papers of Woodrow Wilson. The Papers of Woodrow Wilson, v. 1–69. Princeton. 1966–1994, v. 38, p. 145.

²⁰ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997, с. 41.

²¹ Ambrosius L.E. Op. cit., p. 2.

²² Levin N.G. Op. cit., p. 260.

подхода к миропорядку с начала активного участия в американской политике. Он одобрял вильсоновскую идею коллективного международного органа как инструмента предотвращения войн и справедливого разрешения споров между государствами и был разочарован отказом американского сената одобрить вхождение США в Лигу Наций. Рузвельт был убежден, что американские ценности являются демократической панацеей для всех стран и народов, альтернативой коммунизму и фашизму, тоталитаризму и авторитаризму любых сортов. Его вера в исключительность и одновременно универсализм американской демократии, характерная для американской национальной ментальности в целом, дополнялась приверженностью стратегии “либерального интернационализма”, т.е. предназначению США к распространению либерально-демократического миропорядка и целесообразности его принятия всеми государствами в качестве оптимального варианта.

В 1930-х годах, как и в предшествующее десятилетие, американское общественное мнение демонстрировало приверженность изоляционизму. Рузвельт, озабоченный в первую очередь внутренними проблемами, предпочитал не дискутировать с изоляционистами. В 1940 г., после впечатляющих военных побед Гитлера над европейскими демократиями Рузвельт уверовал в то, что судьба мировой демократии теперь зависит от США, и решительно встал на сторону Англии, продолжавшей сопротивляться Германии. После 22 июня 1941 г. он вместе с Англией вступил в антифашистский военно-политический союз с СССР. Рузвельт проявлял готовность к компромиссам с И.В. Сталиным. Вместе с тем он неизменно был верен той идее, что вследствие победы над фашизмом в мире восторжествует американская либерально-демократическая модель, а американские ценности определяют платформу Объединенных Наций, должны коллективно руководить новым миропорядком, т.е. выполнить то, что не удалось Лиге Наций. Первым и основополагающим документом, подготовленным и подписанным Рузвельтом совместно с Черчиллем, стала Атлантическая хартия. Она была подписана двумя руководителями 14 августа 1941 г., а в ее выработке наряду с Черчиллем и Рузвельтом участвовали двое их помощников. Особенно важная роль принадлежала помощнику Рузвельта, заместителю госсекретаря США С. Уэллесу. Уэллес был ключевой фигурой созданного в конце 1939 г. Совещательного комитета по проблемам международных отношений. Главной функцией комитета являлась разработка теоретических принципов и конкретных планов нового миропорядка, который должен был прийти на смену обанкротившейся версальско-вашингтонской системе после победы над фашизмом. Хотя автором идеологии “Американского века”, означавшего мировое обустройство под эгидой США, считается газетный магнат Г. Люс, опубликовавший в феврале 1941 г. в журнале “Тайм” статью “Американский век”, а затем одноименную брошюру, ее активно разрабатывали многие “интернационалисты”. В американском руководстве главным вдохновителем концепции был сам Рузвельт, а одну из важных ролей в пестовании концепции послевоенного “Американского века” с 1939 г. играл Уэллес.

Уэллес первоначально сосредоточился на концепции “Американской системы”. Она означала обустройство по североамериканскому образцу Латинской Америки и превращение в глобальный либерально-демократический локомотив обеих Америк. В Атлантической хартии либерально-демократические принципы США предлагались в качестве матрицы всего мирового развития. По структуре, как и по содержанию, Атлантическая хартия перекликалась с “14 пунктами” В. Вильсона. Вместе с тем она развивала вильсоновскую доктрину с учетом рузвельтовских идеологических и практических экспериментов 30-х годов.

Лидирующую роль в руководстве объединенными нациями Рузвельт и в ходе, и в конце войны отводил странам-победительницам, но в первую очередь США и СССР. И это несмотря на то, что между американским и советским обществами сохранялись фундаментальные различия, давшие знать о себе с наибольшей остротой на исходе войны. Рузвельт исходил из того, что без партнерства с СССР, ставшего равной с США сверхдержавой, новым миропорядком руководить невозможно. У СССР и США во время войны возникали серьезные противоречия, но Рузвельт пытался восстанавливать

и поддерживать доверие в отношениях со Сталиным. До своей кончины 12 апреля 1945 г. он убеждал себя и окружающих, что без партнерства с СССР сохранить прочный и длительный мир после победы над фашизмом не удастся. Создается впечатление, что Рузвельт до конца дней верил в возможность изыскивать средства вовлечения Советского Союза в мировой порядок по-американски. В противном случае невозможно объяснить, почему он исповедовал как целесообразность, так и реальность не просто сосуществования двух, по его собственному определению, “тотально отличных” сверхдержав-победительниц, но и их тесного сотрудничества. Представляется, что Рузвельт видел для этого как объективное, так и субъективное основание.

Объективное основание заключалось в том, что в годы войны США совершили мощный рывок не просто к лидерству, но к гегемонии и доминированию в мировой экономике. Их удельный вес в ней вырос с довоенных 20% до более чем 50%. Экономическое доминирование выражалось не только в этих цифрах. Не менее важным было то, что Рузвельту удалось свершить в сфере мировой экономики то, о чем В. Вильсон не мог даже мечтать в годы Первой мировой войны.

На завершающем этапе войны США создали прочные международные институты экономической гегемонии. В середине 1944 г. в американском городке Бреттон-Вудс был учрежден Международный банк реконструкции и развития, активы которого практически полностью принадлежали Соединенным Штатам. Всемирный банк, как его стали для краткости называть, предназначался для восстановления экономики европейских стран, а также помощи нуждающимся странам Азии, Латинской Америки, Африки. В то же время и в том же месте был создан Международный валютный фонд (МВФ). Он был призван обеспечить стабильность международных денежных расчетов и обращения. Его резервами стали золото и доллары вместо прежних золота и фунта стерлингов. США тогда контролировали две трети мировых запасов золота, и по золотой обеспеченности доллар был вне конкуренции. В обоих международных финансовых центрах большинство постов принадлежали американцам.

Субъективное основание заключалось в самом Рузвельте. Он никогда не был фаталистом и верил в способность человека менять ход истории. Реалии 1930–1940-х годов убеждали многих и многих (среди них, вероятно, и самого американского президента), что именно Рузвельт являлся таким человеком. Он спас американскую цивилизацию от экономического краха в 30-е годы, а в 40-е годы поднял США до уровня экономической и военно-политической сверхдержавы. Политическому гроссмейстеру Рузвельту казалось, что, взаимодействуя со Сталиным в “лайковых перчатках”, используя экономическую зависимость Москвы от Вашингтона и обладая “сухим порохом” ядерного оружия, он сможет “полюбовно” управляться со второй мировой сверхдержавой²³.

Сомнительно, чтобы “фактор Рузвельта” принципиально повлиял на Сталина при подведении окончательных итогов Второй мировой войны, как и в послевоенном обустройстве Европы и мира. Но смерть Рузвельта оказала влияние на отношения СССР и США. В годы войны в Советском Союзе Рузвельту был создан образ искреннего друга России. Сталин, “дядюшка Джо”, как назвал его Рузвельт, чувствовал себя комфортно при личном общении с великим и обаятельным американским лидером. Новость о смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г. погрузила СССР в траур. Опасения советских руководителей по поводу последствий смены национального лидера в США не заставили себя ждать. Сменивший Рузвельта на президентском посту Г. Трумэн не был политическим гроссмейстером, а тем более политиком уровня Рузвельта. Будучи, как и Рузвельт, приверженцем концепции “Американского века”, Трумэн не обладал желанием и умением действовать в отношениях с Москвой в “лайковых перчатках”. Он с самого начала выказал намерение полагаться на силу.

В результате Второй мировой войны были сокрушены тоталитарные капиталистические страны. США утвердили гегемонию в капиталистическом мире и господство

²³ Согрин В.В. Ф.Д. Рузвельт и СССР. 1933–1945. – США – Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 11, с. 35–56.

в нем собственной либерально-капиталистической модели. По иронии судьбы это оказалось возможным только в союзе с социалистическим СССР. Но после этого “противоестественный” союз распался. Две сверхдержавы, США и СССР, отныне выступали главными мировыми соперниками. Между ними постепенно началась “холодная война”, у которой были фундаментальные идеологическая и геополитическая причины.

Имперские амбиции США проявились бы независимо от того, выступил бы в качестве их главного соперника СССР или кто-нибудь другой, занявший в ходе Второй мировой войны схожую позицию сверхдержавы. То же можно сказать и об СССР. Имперский “соблазн” СССР определялся восприятием Советским Союзом исторической миссии смены отжившего мирового капитализма новой передовой формацией – социализмом. Вторая мировая война рассматривалась в качестве важнейшего этапа этого исторического процесса. За счет стран Восточной Европы был создан “лагерь социализма”, как он определялся самой советской идеологией. Согласно той же идеологии, империализм, присущий природе капитализма, без боя своих позиций не сдавал, поэтому нужно было быть готовым дать отпор его главному представителю. После краха Германии таковым стали США. Началась “холодная война”, продолжавшаяся 45 лет.

Сказанное не означает, что виновником “холодной войны” был СССР. США в период Второй мировой войны уверовали в то, что на обломках Третьего рейха суждено утвердиться “Американскому веку”, а американские ценности должны перениматься для блага мира и каждой страны. Произойти это должно было под руководством США, призванных осуществить миссию демократического спасения человечества. Случилось столкновение миссии демократического и миссии коммунистического спасения человечества.

В случае с Соединенными Штатами имперская политика проводилась демократической страной, и данный фактор не мог не влиять на ее стратегию. Но невозможно игнорировать и то, что имперская политика со своей стороны влияла на демократию, неоднократно ее серьезно деформировала, причем как во внешней, так и во внутренней политике. США, предлагая демократию другим странам в качестве образца, в конкретной политике зачастую переходили к ее навязыванию, реализовывали формулу “цель оправдывает средства”. В результате средства превращались в самоцель внешней политики, империя подминала под себя и подчиняла себе демократию.

Но невозможно не признать и то обстоятельство, что либерально-демократические принципы США неоднократно привлекали симпатии разных стран и народов. Отмечены многие примеры того, как государства разных континентов добровольно воспринимали американские либерально-демократические ценности, обращались к США за их поддержкой, устремлялись в созданные и руководимые ими экономические и финансовые международные организации, а также военно-политические союзы. Норвежский исследователь Г. Лундестад, анализируя это явление, назвал США “империей по приглашению” (это определение получило широкое признание в научной литературе)²⁴. Но добровольное вхождение в имперскую орбиту США оборачивалось их подчинением экономическим и политическим интересам Вашингтона, превращением в союзника низшего ранга.

Уже в 1947 г. Турция и Греция в ответ на угрозы со стороны СССР обратились за помощью к Вашингтону, и США стали для них “империей по приглашению”. Поддержка Вашингтоном двух государств закреплялась в доктрине Трумэна. Им предоставлялось военное и политическое покровительство, а в последующем оба государства, отнюдь не соответствовавшие демократическим стандартам, были приняты в НАТО. Имперского покровительства США искали и другие европейские страны. Им был предложен план Маршалла. Он немало поспособствовал долговременному экономическому подъему западноевропейских стран. Две главные побежденные в мировой войне страны – ФРГ

²⁴ Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002, с. 14; Lundestad G. “Empire by Invitation?” – The United States and the Western Europe, 1945–1952. SHARF Newsletter, № 15, September 1984.

и Япония – под непосредственным руководством США преобразовали свои общества по американской модели. США, раз и навсегда отказавшись от предвоенного изоляционизма, стали активно создавать военно-политические блоки в разных регионах мира и время от времени подавляли радикально-националистические и ликвидировали популистские правительства в зонах своего господства.

СССР отвечал упрочением влияния в лагере социализма. Но утвердить там послушные коммунистические режимы удавалось чаще всего силовыми методами. В конце 1940-х годов Советскому Союзу сопутствовали серьезные успехи в соперничестве с США: Москва создала ядерное оружие и приобрела мощного партнера в лице коммунистического Китая. Война в Корее 1950–1953 гг. утвердила определенный статус-кво в военно-политическом соперничестве двух систем. После смерти в 1953 г. Сталина две системы обнаружили намерение закрепить статус-кво в режиме мирного сосуществования. Оно было официально одобрено СССР в 1956 г. на XX съезде КПСС. Две ядерные сверхдержавы признали, что отказ от мирного сосуществования угрожает им “гарантированным взаимоуничтожением”. Такой оборот “холодной войны” был неприемлем ни для сверхдержав, ни для их союзников²⁵.

На втором этапе “холодной войны” (1961–1980) неравномерность развития соперничества двух империй сохранилась. Начало этапа ознаменовалось мощным подъемом национально-освободительных революций в “третьем мире”, крахом колониальной системы, выходом большинства освободившихся стран из сферы влияния Запада и переходом некоторых из них на сторону социализма. США ответили жесткими попытками пресечь нежелательный процесс, в то время как СССР его приветствовал и поддерживал. Мирное сосуществование стало сходить на нет, “холодная война” возобновилась в форме острых локальных конфликтов. В одном из них – вьетнамском – США потерпели сокрушительное поражение. Среди масс американского населения возник пораженческий поствьетнамский синдром. В такой ситуации руководство США во главе с Р. Никсоном предприняло мощный стратегический маневр. На рубеже 1960–1970-х годов оно предприняло энергичные шаги по реставрации мирного сосуществования с СССР, получившего теперь название “разрядка” (детант). Были не только достигнуты беспрецедентные мирные договоры с СССР, но также закончена война во Вьетнаме, установлены многоплановые, вплоть до дипломатических, отношения с Китаем. Одновременно в контексте разрядки был развернут хельсинкский процесс форматирования и расширения многопланового сотрудничества в Европе. Процесс, вовлекший 35 стран, включая СССР и США, был нацелен на распространение ценностей западной демократии и стал неожиданно для Москвы расшатывать устои социалистического лагеря.

В конце 1970-х годов СССР, закрепляя тенденцию территориального упрочения сферы своего влияния, ввел войска в Афганистан в целях поддержки и утверждения у власти дружественных ему сил. Это оказалось роковой ошибкой. Большинство мусульманских стран, как и нейтральных государств, включая Китай, отнеслись к этому негативно, и у США возникла возможность спланировать против СССР не только своих союзников, но и многие другие государства, в первую очередь мусульманские.

“Крестовый поход” США во главе с президентом Р. Рейганом против СССР ознаменовал начало третьего (1981–1991), завершающего этапа “холодной войны”. На президентских выборах 1980 г., принесящих победу Рейгану, избиратели помимо прочего протестовали против внешнеполитической “мягкотелости” его предшественника Дж. Картера и демократов. “Вьетнамский синдром” к 1980 г. ослабел, а национальный архетип мессианизма реанимировался. Победивший на выборах республиканец Рейган являлся выразителем мессианизма. Его сверхзадача была имперской: перейти в решительное наступление на СССР и мировой коммунизм, переломить соотношение

²⁵ О перипетиях соперничества СССР и США в годы “холодной войны” см. *Согрин В.В.* Динамика соперничества СССР и США в период “холодной войны”. 1945–1991. – Новая и новейшая история, 2015, № 1; 2016, № 2.

ядерных сил и территориального соперничества в пользу США, утвердить их в качестве единственного гегемона миропорядка.

Вскоре после вступления в должность Рейган начал именовать СССР “империей зла”, регулярно давая понять, что она должна быть устранена с исторической арены Соединенными Штатами. В январе 1981 г. Рейган жёстко обвинил СССР в стремлении к “мировому доминированию”, назвал разрядку “улицей с односторонним движением”, отвечавшей исключительно интересам Москвы. Советский Союз был обвинен в том, что в действительности следует принципам “холодной войны”²⁶. Рейган заявил, что единственно возможным ответом США Советскому Союзу является наращивание вооружений и “политика с позиции силы”. Одним из наиболее жестких антисоветских выступлений Рейгана стала речь на съезде Национальной евангелистской ассоциации 8 марта 1983 г. Президент США объявил, что коммунизм и СССР воплощают “мировые грех и зло”, что в этой ситуации “замораживание” ядерных вооружений было бы неправимой ошибкой, и США “должны утверждать мир посредством силы”²⁷.

Внешнеполитическая идеология Рейгана вобрала основные принципы неоконсерватизма, ставшего с конца 1970-х годов основополагающей частью кредо Республиканской партии. Неоконсерваторы развернули яростную критику внешней политики демократа Дж. Картера. Жёстко критиковались переговоры с СССР о сокращении ядерных вооружений и достижении ядерного баланса между двумя странами. Не менее жёстко критиковались идеи Картера об увязке военной и иной помощи другим странам с соблюдением теми прав человека и их соответствия демократическим политическим нормам. Доктрину *прав человека* требовали распространять только на СССР и его союзников. Важнейшей темой для неоконсерваторов стала “провальная” африканская политика Картера. Его обвиняли в “потере” Анголы, Мозамбика, Эфиопии. С конца 1970-х годов неоконсерваторы пополнили ряды Республиканской партии

Неоконсерваторы если и не преобладали количественно в администрации Рейгана, то задавали тон при формулировании внешнеполитической стратегии и идеологии. Ярким примером может служить Дж. Кирпатрик, представитель США в ООН. Еще до своего назначения она высказала идеи, ставшие впоследствии известными как “доктрина Кирпатрик”, пришедшая по душе Рейгану. Кирпатрик отвергала картеровскую концепцию о возможности предоставления американской экономической и военной помощи только странам с демократическим режимом (на практике и Картер в случае “целесообразности” отступал от нее). Кирпатрик ввела разделение недемократических стран на *авторитарные* и *тоталитарные*. В тоталитарные зачислялись СССР и его союзники, а в авторитарные – все остальные. Авторитарным странам военная и экономическая помощь могла и должна была оказываться. Они имели право быть союзниками США.

Рейган, одоббивший доктрину Кирпатрик, с начала президентства реанимировал “отбрасывание коммунизма” в третьем мире²⁸. Главным ее первым испытательным полигоном стал Афганистан. Афганская война СССР была осуждена большинством государств в ООН. Американские неоконсерваторы торжествовали: СССР получил свой собственный “Вьетнам”. Другим приоритетным в “отбрасывании коммунизма” для Рейгана был латиноамериканский регион, в первую очередь Центральная Америка. В 1981 г. Рейган подписал несколько документов, направленных на “искоренение в регионе кубинско-советского влияния”²⁹. Финансовая и военная поддержка оказывалась проамериканским силам в Никарагуа, Сальвадоре, Гондурасе. В 1983 г. США

²⁶ Public Papers of the Presidents of the United States, Ronald Reagan. 1981–1989, v. 1–15. Washington (D.C), v. 1, p. 57.

²⁷ Ibid., v. 4, book 1, p. 362–364.

²⁸ Она была обнародована в обращении к конгрессу 6 февраля 1985 г. – Public Papers of the Presidents of the United States, Ronald Reagan. 1981–1989, v. 8, book 1, p. 135.

²⁹ Garthoff R.L. Detent and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Washington, 1985, p. 1057.

организовали интервенцию в крохотную центральноамериканскую республику Гренаду, пользовавшуюся поддержкой Кубы. Спецслужбы США приписали лидеру страны М. Бишопу “марксистскую идеологию”, связь с Москвой (ее доказательств обнаружено не было)³⁰, а также угрозу находившимся в республике американским студентам и осуществили высадку на остров около 2 тыс. морских пехотинцев³¹. Несмотря на отчаянное сопротивление сторонников Бишопа, “смена режима” в Гренаде была осуществлена. Военное значение американского переворота в Гренаде было администрацией сознательно преувеличено. Правда же, имевшая для руководства США историческое значение, заключалась в том, что “впервые с 1917 года коммунистическое правительство было смещено военной силой”³².

Важнейшей целью Рейган считал свержение “коммунистического” режима в Никарагуа, пришедшего к власти, по его убеждению, при попустительстве Дж. Картера. С согласия президента США ЦРУ целенаправленно готовило смещение правительства Д. Ортеги. Под руководством ЦРУ шла подготовка никарагуанских контрреволюционеров (“контрас”), тысячами засылавшихся в страну для осуществления подрывных действий против законного правительства. Американцы минировали порты Никарагуа, что парализовало его внешнюю торговлю. Правительство Ортеги обратилось с иском против США в Международный суд в Гааге, и тот постановил взыскать с Вашингтона возмещение ущерба суверенному государству. Решение Международного суда было американским правительством проигнорировано. Но оно не смогло проигнорировать решение собственного конгресса, наложившего запрет на оказание помощи никарагуанской оппозиции. Спецслужбы США изобрели циничный способ обхода решения конгресса. Была организована тайная (через посредство Израиля) продажа оружия заклятому врагу Вашингтона, Ирану, а деньги от продажи, также в глубокой тайне, передавались никарагуанским “контрас”³³.

Последовательно борясь за вытеснение СССР из “третьего мира”, Рейган видел основную цель в предельном ослаблении самой “империи зла”. Сам он прямо не формулировал задачи “смены режима” в СССР, но его неоконсервативные стратеги не стеснясь обосновывали именно эту цель. Стратегические подразделения ЦРУ, Совета национальной безопасности, министерства обороны, Республиканской партии тщательно отслеживали трудности советской экономики, приводили расчеты, убеждавшие Рейгана, что СССР “перенапрягся”, гонка вооружений ему уже не под силу. А для США наступил в высшей степени благоприятный момент, чтобы, ускорив темпы собственного вооружения, “положить соперника на лопатки” и продиктовать ему свою волю. Рейган не отказался от ведения переговоров с СССР о наступательных стратегических вооружениях и ракетах среднего и малого радиуса действия, но они велись откровенно с позиции силы, так что в 1983 г. руководитель Советского Союза Ю.В. Андропов заявил о принципиальной невозможности вести переговоры с республиканским руководством США. СССР “вышел” из переговоров.

Трудно предположить, как развивалось бы соперничество США и СССР, если бы не приход к власти в СССР в марте 1985 г. М.С. Горбачёва. Новый генеральный

³⁰ Ibid., p. 1056.

³¹ А. Шлезингер-младший лаконично охарактеризовал противоправный характер действий Рейгана: “В 1983 г. Рейган направил экспедиционные войска против островной Гренады, предприняв эту акцию без предупреждения, без утверждения конгрессом и в нарушение уставов ООН и Организации американских государств”. – *Шлезингер А.М.* Циклы американской истории. М., 1992, с. 127.

³² *Price M.C.* The Advancement of Liberty. How American Democratic Principles Transformed the Twentieth Century. Westport (Conn.) – London, 2008, p. 265.

³³ А. Шлезингер-младший в связи с этим пишет: “В 1983 г. Рейган откровенно подтвердил “право страны проводить тайные операции в тех случаях, когда она считает, что это наилучшим образом отвечает ее интересам”. В 1985 г. он добавил сюда новый принцип: “Поддержка борцов за свободу является самообороной и полностью соответствует уставам ОАГ и ООН”. – *Шлезингер А.М.* Указ. соч., с. 127.

секретарь ЦК КПСС предложил радикальную перестройку как внутренней, так и внешней политики СССР. Внешнеполитическая перестройка, включавшая отказ от классового подхода и восприятие “общечеловеческих ценностей”, означала, по сути, признание чрезмерного “перенапряжения” СССР в ядерном и глобальном соперничестве с США, готовность идти на компромиссы и уступки для того, чтобы высвободить ресурсы, необходимые для вывода “реального социализма” из глубочайшего застоя, укоренившегося во многих сферах, но в первую очередь – в экономике. Рейган, вопреки сопротивлению значительной части американского политического класса, поверил в искренность Горбачёва с его концепциями внутри- и внешнеполитической перестройки и позитивно ответил на горбачёвские “вызовы”. Но, приняв вызовы Горбачёва, Рейган начал вырабатывать собственные правила “игры” в перестройке мировой политики.

“Перестройка” мировой политики 1985–1991 гг. ознаменовала завершение “холодной войны”. От этого выиграла часть человечества, но этот выигрыш оказался возможным в результате компромиссов и уступок, главным образом со стороны СССР, что имело следствием утверждение США в качестве единственной сверхдержавы.

США и либеральный капитализм обнаружили большую притягательность для многих стран социалистического лагеря и “третьего мира”. Наиболее ярко это обнаружилось в европейском регионе. Восточноевропейские союзники СССР, как выявил ход исторических событий, не признавали своего включения в социалистический лагерь по итогам Второй мировой войны. Когда во второй половине 1980-х годов горбачёвской перестройкой им была предоставлена возможность свободного выбора между социализмом и либеральным капитализмом, они выбрали последний. Восточноевропейские государства захотели единения с Западной Европой, и их политический выбор послужил важным основанием последующей ускоренной европейской интеграции, создания Европейского Союза уже не только из стран Западной Европы, но также из государств Восточной Европы, включая бывшие прибалтийские советские республики.

Однако это не было либерально-капиталистическим завершением мировой истории. Вскоре у либерального капитализма появился новый мощный реальный соперник – исламский радикализм. В 1980-х годах упрочились позиции и международная роль “третьего мира”, ведущих стран Азии, Африки, Латинской Америки. Да и социализм не был полностью устранен с исторической арены. Через ряд лет его влияние стало возрождаться в некоторых регионах, в первую очередь в Латинской Америке. В целом в мировом пространстве в ходе и вследствие трансформаций 1980-х годов обозначился цивилизационно-культурный плюрализм. По логике советско-американского детанта того десятилетия именно он должен был лечь в основу нового миропорядка, приходившего на смену Ялтинско-Потсдамскому.

Но человечеству Соединенными Штатами в качестве главного итога завершения “холодной войны” навязывалось главенство западной цивилизации и американской модели. В 1992 г. в ходе президентских выборов в Соединенных Штатах обе соперничающие партии декларировали этот итог как само собой разумеющуюся истину. США без промедления идентифицировали себя как единственную сверхдержаву. Для руководства страны и политического класса в целом отсюда вытекали принципиальные заключения. Первое состояло в том, что прежний миропорядок, где соперничали и делили мир США и СССР, исчез, поэтому необходимо формировать основы нового миропорядка. Следующий постулат – США по праву победителя и потому, что они наконец-то стали единственным мировым лидером, принадлежит руководящая роль в формулировании и выстраивании однополярного мира.

Президентство демократа Б. Клинтона (1993–2001) явилось важным этапом формирования Вашингтоном стратегии и практики внешнеполитического курса США в качестве единственной сверхдержавы, единственного лидера нового миропорядка, сменившего Ялтинско-Потсдамский. Соединенным Штатам сопутствовали удачи в укреплении союзнического альянса с европейскими странами. В результате расширения как НАТО, так и Евросоюза западный военно-политический альянс окреп, как никогда. Под руководством США он добился переустройства Югославии по собственным черте-

жам, утвердил гегемонию в Европе, претендовал на верховенство в создании удобного миропорядка в иных регионах, в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке.

Выявилась тенденция вольной, подчиненной интересам США трактовки решений ООН и нередко наведения “порядка” исключительно по собственному усмотрению в тех или иных регионах и странах мира. Такие определения, как “гуманитарная интервенция”, “расширение демократии”, “страны-изгои”, “незаменимое государство” (США в качестве мирового лидера), не только вводились в международный политический лексикон, но всё более активно использовались для оправдания внешнеполитической практики.

Гегемонистская стратегия Клинтона и демократов была воспринята Дж. Бушем-младшим и Республиканской партией, пришедшими к власти в результате победы на президентских выборах 2000 г. Их нововведения были осязаемы и серьезны. Внешнеполитическая стратегия республиканцев, пестовавшаяся в течение десятилетия, отличалась от стратегических установок Клинтона и демократов более откровенным мессианизмом и агрессивностью. Ее авторов подчас называют вторым поколением неоконсерваторов, которое было убеждено, что двухполярный мир сменился однополярным, и американская демократическая империя (демократы понятие “империя” применительно к США не использовали), этот новый Рим, вправе без всяких экивоков распоряжаться судьбами человечества. Второе поколение подчинило себе Республиканскую партию еще более прочно, чем первое.

Своего рода квинтэссенцией внешнеполитической программы второго поколения неоконсерваторов стал проект “Новый Американский век”, целенаправленно навязывавшийся американскому политическому классу начиная с 1997 г.³⁴ Речь шла о XXI в., который, согласно неоконсерваторам, должен был стать еще более американским, нежели век предшествующий.

К. Райс, чернокожая “звезда” “неоконов”, занявшая в правительстве Буша-младшего сначала пост помощника президента по национальной безопасности, а затем и государственного секретаря, во время избирательной борьбы с демократами жестко критиковала Клинтона за ориентацию на сотрудничество с ООН и упование на общечеловеческие ценности: «Тем самым “национальный интерес” подменяют “гуманитарными интересами” или интересами “международного сообщества”. Представление о том, что Соединенные Штаты вправе использовать свою силу лишь ради чужого блага или во имя неких принципов, глубоко укоренено в традиции Вудро Вильсона и находит заметный отклик в политике администрации Клинтона. Разумеется, нет ничего плохого в том, чтобы сделать что-то во благо всего человечества, но это должно быть в определенном смысле побочным эффектом. Ведь если Америка действует, руководствуясь своими национальными интересами, то это само по себе способствует укреплению свободы, рыночной экономики и мира во всем мире. Наша страна после Второй мировой войны преследовала свои собственные национальные интересы, но это сделало мир более процветающим и демократичным... Таким образом, многосторонние соглашения и международные институты не следует рассматривать как что-то ценное само по себе. Никто не отрицает, что для Америки полезны прочные союзы и что наша страна может отстаивать свои интересы в рамках ООН и других международных структур, а также, опираясь на хорошо разработанные международные соглашения. Но администрация Клинтона бывает настолько одержима тем, чтобы решать проблемы на многосторонней основе, что подписывает соглашения, противоречащие интересам страны»³⁵. К таким

³⁴ Statement of Principles, June 3, 1997. – [http://www. Newamericancentury.org](http://www.Newamericancentury.org). После выборов 2000 г. многие авторы проекта “Новый Американский Век” получили высокие посты в правительстве Джорджа Буша. Д. Чейни стал вице-президентом США (по мнению аналитиков, “серым кардиналом” правительства), Д. Рамсфелд – министром обороны, П. Вулфовиц – заместителем министра обороны, Дж. Болтон – представителем США в ООН, З. Халилзад – послом США в Ираке.

³⁵ Райс К. Во имя национальных интересов. – Pro et Contra, 2000, № 2, с. 105.

соглашениям Райс относилась в первую очередь Киотский протокол об охране окружающей среды и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Р. Кейган, другая “звезда” “неоконов”, доказывал, что США, выполняя свою историческую миссию, имеют право игнорировать не только ООН, но и своих европейских союзников. Ненадежность последних выявилась при Клинтоне: “Интересно, решились бы они бомбить Белград в 1999-м, если бы Соединенные Штаты не принудили их к этому?” Односторонний силовой диктат, постулировал Кейган, обусловлен новыми мировыми реалиями: “Наличие у Америки огромной военной мощи порождает стремление эту мощь использовать. Напротив, военная слабость Европы вызвала к жизни совершенно понятное отвращение к военной силе... после того как необходимость сдерживания СССР отпала, Соединенные Штаты получили возможность вмешиваться в конфликты где угодно и когда угодно”³⁶.

Пренебрежение к сложившимся международным институтам, в том числе союзническим, имело прямое отношение к такой важной новой доктрине, выдвинутой при Буше, как “коалиция желающих”. Она была создана вопреки отказу ООН поддержать американскую акцию во время интервенции США в Ирак в 2003 г. Ставка неоконсерваторов на силовое утверждение американского миропорядка имела следствием появления в их арсенале такой важной новой доктрины, как “смена режимов” (regime change). Формально она была озвучена после 11 сентября 2001 г. и стала известна как *доктрина Буша*. Фактически доктрина была выпестована в 90-е годы. Уже тогда неоконсерваторы стали рассуждать о *несостоятельных / не состоявшихся* государствах (rogue states, failed states), не способных естественным эволюционным путем трансформироваться в демократические и встроиться в американский миропорядок. Таким государствам следовало “помочь”, свергнув в них “порочные” режимы и “даровав” демократию американского образца. Первым среди таких государств неизменно назывался Ирак.

Имперские доктрины “неоконов” нашли благоприятный отклик – четыре века идей мессианизма подготовили почву для этого. Согласно опросам общественного мнения, проведенного на второй год после прихода к власти “неоконов”, 70% опрошенных заявили, что “Соединенные Штаты должны продвигать демократию во всем мире”³⁷. Но тогда же большинство опрошенных в Центральной и Южной Азии, на Среднем Востоке и в Латинской Америке высказали негативно-критическое отношение к Соединенным Штатам. В странах-“изгоях” подавляющее большинство опрошенных считали американскую демократию “непрощеной гостьей”³⁸. Американцев эти результаты не интересовали.

Внешняя политика Дж. Буша-младшего, в наибольшей мере воплотившая мессианско-имперские притязания США на безраздельное управление миром, ознаменовалась провалами на Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской Америке, на других важнейших направлениях. Причина – очевидная несостоятельность ее основополагающего замысла. Буш-младший и неоконы самоуверенно исходили из того, что США, оказавшись в условиях крушения Ялтинско-Потсдамского миропорядка единственной сверхдержавой, способны утвердить монополию в управлении международными отношениями и не просто подчинить себе новый миропорядок, но свершить всемирную “демократическую революцию” по американской модели.

Внешнеполитическая практика обнаружила утопизм концепций “однополюсного мира”, “нового Американского века”, как и иных имперских неоконсервативных фантазий. Плоды победы в “холодной войне” по неоконсервативному варианту пожать не удалось, а сама эта победа выглядела всё более как пиррова. Американская гегемония

³⁶ Кейган Р. Сила и слабость. – Pro et Contra, 2002, № 4, с. 129, 135, 133 (Kagan R. Power and Weakness. – Policy Review, 2002, № 113).

³⁷ McFaul M. Advancing Democracy Abroad: Why We Should and How We Can. New York, 2009, p. 3.

³⁸ Chiozza G. Antiamericanism and the American World Order. Baltimore, 2009, p. 55, 87.

на значительной части мирового пространства сохранялась, но по ее неоконсервативной имперской модели был нанесен сокрушительный удар³⁹.

Б. Обама, избранный президентом США в 2008 г., попытался учесть мировые реалии. Безраздельному лидерству США он в начале президентства противопоставлял мультипартнерство и цивилизационный плюрализм⁴⁰. Но преодолеть претензию на американскую исключительность и мировое лидерство, “предназначение” его страны быть образцом для подражания всем другим странам и регионам не удалось и ему. В политической практике он постепенно воспринял доктрину устранения “несостоятельных государств” и “смены режимов”. Она реализовывалась в политике США и Запада в отношении Ливии и Сирии. Ее следствием стал военно-политический хаос в двух государствах Ближнего Востока, всплеск радикального исламизма, создание на территории Ирака и Сирии террористического Исламского государства, бегство сотен тысяч арабских семей и граждан в Европу.

Доктрина “смены режимов” была использована на постсоветском пространстве. Два его государства, Украина и Грузия обнаружили намерение разорвать многовековые многосторонние связи с Россией. В 2014 г. пришедшее к власти на Украине новое руководство демонстративно избрало прозападную ориентацию и намерение видеть США в качестве “империи по приглашению”. Невторжение США в постсоветское пространство, также как и отказ от расширения НАТО, негласно оговаривались между руководством СССР и США на завершающем этапе “холодной войны”. Но Соединенные Штаты отказались от негласных договоренностей сразу после распада СССР и не избежали искуса стать “империей по приглашению” для бывших союзников СССР по Варшавскому договору, для бывших советских прибалтийских республик, для Грузии и, наконец, для Украины.

Внешняя политика Обамы, означавшая отказ от взятых на себя обязательств в предвыборной кампании, может объясняться его личными качествами. Но реанимация им имперских доктрин имеет более глубокое основание. Имперские вождедения слишком прочно вошли в американское национальное сознание, и противостоять ему означало бы подвергнуть себя национальному остракизму. Известный американский кинорежиссер О. Стоун в публицистической истории США, переведенной на русский язык, отметив, что внешняя политика Обамы “принесла даже больше разочарований, чем внутренняя”, вместе с тем констатировал, что президент испытывает на себе серьезное давление национального имперского императива: «Отказ Обамы трубить на весь мир, что США – дар свыше всему человечеству, дал республиканским лидерам (которым прекрасно известно, что 58% американцев считают, будто “Бог отвел Америке особую роль в человеческой истории”) использовать его взвешенные высказывания для грубых нападок»⁴¹. Обама не устоял и закончил президентство пленником имперского императива.

³⁹ Подробно см. *Согрин В.В.* Внешняя политика Дж. Буша-младшего. Генезис. Эволюция. Итоги. – Новая и новейшая история, 2014, № 2, с. 92–111.

⁴⁰ *Согрин В.В.* Барак Обама: внешняя политика либерального прогрессиста. – *Общественные науки и современность*, 2014, № 3, с. 57–72.

⁴¹ *Стоун О., Кузник П.* Нерассказанная история США. М., 2015, с. 16, 740.